ПРОГУЛКА

ИЗЪ ДЕРПТА ПО ЧУДСКОМУ ОЗЕРУ.

Давно́ мнѣ хотѣлось посмотрѣть Чудское озеро и Русскія заселенія, разбросанныя по берегу; наконецъ я нашла удобный случай удовлетворить своему любопытству. Восьмаго Сентября бываетъ въ Дерптѣ ярмарка, на которую съѣзжаются Чухонцы и приплываютъ лодки изъ Русскихъ деревень, лежащихъ по берегу Чудскаго озера. Русскіе привозятъ рыбу, лукъ, клюкву, иногда картофель и капусту, также глиняную посуду, которую закупаютъ они во Псковѣ. Чухонцы пригоняютъ скотъ, привозятъ деревянную посуду, масло, яицы, куръ, цыплятъ, свиней, рожь, крупу. Ярмарка бываетъ одинъ день; на другой, закупивъ нужное, всѣ разъѣзжаются; я условилась съ хозяиномъ одной лодки, и онъ за бездѣлицу согласился довезти меня до своей деревни, верстахъ въ тридцати отъ Дерпта.

Въ три часа послѣ обѣда мы поплыли. Лодка нагружена была рожью и пустыми бочками изъ-подъ рыбы.

Насъ было шесть человѣкъ: хозяинъ лодки, товарищъ его съ сестрой, мальчикъ и двое пассажировъ, я и еще одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Вѣтеръ былъ противный; паруса поставить было нельзя; мы шли

на греблѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тянулись бичевой. Берега Эмбаха низки, довольно живописны; по обоимъ берегамъ рѣки часто встрѣчаются мызы, корчмы, мельницы; тамъ и сямъ разбросаны хижины Чухонцовъ; вдали виденъ лѣсъ. Отплывши около десяти верстъ причалили къ берегу. Я и мой спутникъ пили чай на мызѣ Кабель, а хозяинъ лодки съ товарищами ужиналъ. Здѣсь еще положили нѣсколько мѣшковъ ржи и посадили женщину. «Пора въ путь!» говорилъ хозяинъ, и мы снова поплыли.

Начинало смеркаться; бичевою идти было нельзя: часто встрѣчались заливы, которые обходить было неудобно, а потому мы плыли на греблѣ. Въ восемь часовъ мы остановились у мызы Мексы; гребцы устали и имъ надобно было отдохнуть. Возлѣ пристани стояла корчма, но въ ней нельзя было подумать объ ночлегѣ: она была набита народомъ, возвращавшимися съ ярмарки. Нѣсколько лодокъ стояло у берега; въ нихъ были все женщины; мужики ушли въ корчму, пили, пѣли, плясали, свистѣли соловьемъ, словомъ — разгулъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Ночь была темная. Мой спутникъ, молодой человѣкъ, легъ спать въ лодкѣ. Я не могла спать: мнѣ новъ былъ такой ночлегъ — на водѣ, подъ яснымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, которыя отражались въ рѣкѣ. Мало по малу сѣверная сторона неба начала вспыхивать; подобное тому бываетъ въ Іюлѣ и Августѣ и называется зарницей. Но это было начало сѣвернаго сіянія, которое продолжалось часа три и было довольно велико; столбы, то появлялись, то исчезали, и наконецъ все слилось въ огромную

огненную полосу. Казалось, духи тмы спорили съ небомъ, ярились, метались на небо, но невидимая рука опрокидывала ихъ; въ безсильной злости, они падали, снова устремлялись на небо, краснѣли, багровѣли отъ ярости, и поглощаемые новымъ приливомъ свѣта, исчезали. Въ темную ночь, на водѣ, подъ открытымъ небомъ, какое-то необыкновенное чувство западаетъ въ душу человѣка: и грусть и наслажденіе; кажется, болѣе чувствуешь временную жизнь на землѣ и призывъ въ вѣчность.

Мало по малу шумъ стихалъ; всѣ возвращались къ своимъ лодкамъ; нѣкоторые поплыли, другіе легли спать. Въ два часа все ожило на лодкахъ. По Русскому обычаю умылись, помолились Богу и пустились въ путь. Всѣ прибрежные жители Чудскаго озера такъ привыкли къ водѣ, что для нихъ все равно день или ночь, но для меня это было необыкновенно. Еслибы взошла луна, все было бы веселѣе, а то кругомъ вода, темная ночь, и только звѣзды, какъ недремлющіе очи Божіи, отражались въ рѣкѣ. Тишина нарушаема была только всплесками воды отъ веселъ и пѣніемъ пѣтуховъ въ деревняхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Но вотъ занялась заря, востокъ заалѣлъ, предметы стали явственнѣе. Когда мы приплыли къ озеру, солнце выкатилось на горизонтъ и освѣтило безпредѣльное пространство воды; отражаясь въ ней, оно играло, искрилось, и озеро блестѣло, какъ исполинское зеркало.

Думала ли я, что черезъ тридцать пять лѣтъ опять буду переплывать большое озеро? Но тогда переѣзжала я Байкалъ, а теперь Чудское. Чудское озеро въ старину называлось *Пейпусъ*; лежитъ меж-

ду Псковскою, Санктпетербургскою и Лифляндскою губерніями; принимаетъ рѣку Эмбахъ, текущую изъ озера Вирцъ, а изъ сѣверной его стороны вытекаетъ рѣка Нарова; къ югу же оно соединяется съ Псковскимъ озеромъ. Люблю я эту непостоянную стихію, гдѣ легіоны сѣдыхъ валовъ убѣленныхъ борьбою, гонятся одинъ за другимъ, стараются опередить другъ друга, и девятый валъ съ глухимъ ропотомъ бѣжитъ въ слѣдъ за ними. Вѣтеръ крѣпчалъ. Поставили парусъ; волненіе было довольно сильное. Лодка наша ныряла по изрытому валами озеру, то подымалась, то опускалась; гребцы легли спать, а хозяинъ лодки правилъ рулемъ.

Всѣ спали. Одинъ кормчій стоялъ у руля и пѣлъ какую-то пѣсню. Я любовалась окрестными видами. Съ лѣвой стороны виденъ вдалекѣ отлогій берегъ, съ разбросанными селеніями; впереди, верстахъ въ двадцати, на выдавшемся мысѣ, называемомъ жителями Ноеъ, бѣлѣлась церковь; съ правой горизонтъ сливался съ водою. Проплывши верстъ десять, мы пристали въ селеніи Кольки, мѣстѣ жительства нашего хозяина. Озеро саженей за двадцать отъ берега немного глубже полуаршина, а потому надобно идти въ бродъ, какъ это дѣлаютъ жители, но я отказалась послѣдовать ихъ примѣру; услужливый хозяинъ пріѣхалъ въ телегѣ и перевезъ меня на берегъ. Озеро мало по малу оттѣсняетъ жителей все далѣе; старожилы запомнятъ еще, что гдѣ теперь вода, тамъ стояло селеніе. Всѣ селенія, лежащія по берегу Пейпуса, населены Русскими; почти всѣ переселенія ихъ изъ Россіи, думаю, относятся къ временамъ Алексѣя Михайловича и Петра I. Я старалась узнать отъ жителей: нѣтъ ли между ними пре-

давія, когда они здѣсь поселились, но они сами ничего не знаютъ, а говорятъ: «отцы и дѣды наши здѣсь жили.» Давно не видала я такого чисто-Русскаго поколѣнія: они сохранили свой языкъ, свои обычаи, одежду; почти всѣ они великорослы, сильны, съ русыми волосами; у дѣтей же волосы точно ленъ; отъ дѣятельной жизни видно проворство во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Главный промыселъ жителей береговыхъ деревень рыбная ловля. Озеро неистощимый родникъ, откуда они получаютъ пищу и все нужное. Пейпусъ обиленъ рыбою; сиги, щуки, лещи, ряпушка, ерши, окуни, караси ловятся всегда, а снѣтки только весной, въ Маѣ мѣсяцѣ; тогда они появляются въ такомъ множествѣ, что по словамъ рыбаковъ, на одинъ неводъ въ недѣлю нерѣдко выручаютъ 1000 рублей. Часть ихъ приготовляютъ на мѣстѣ, а остальное продаютъ пріѣзжающимъ изъ Гдова, которые отвозятъ ихъ свѣжихъ домой, потомъ сушатъ и пересыпаютъ солью. Сушеные караси и соленые окуни отвозятъ всегда въ Псковъ. Ряпушка, любимая рыба Чухонъ, привозится во множествѣ въ Дерптъ; начиная съ весны до осени, она составляетъ главную пищу жителей. Береговые жители Пейпуса всѣ рыбаки, съ тою только разницею, что одни преимущественно занимаются ловлею, а другіе скупаютъ у нихъ, солятъ, сушатъ, или свѣжую развозятъ по разнымъ мѣстамъ. Также не маловажный торгъ ведутъ здѣшніе жители лукомъ, который они садятъ въ большомъ количествѣ, такъ, что иногда одно семейство выручаетъ до 500 рублей; его разводятъ по Чухонскимъ деревнямъ и приплавляютъ въ Дерптъ. Иногда продаютъ картофель и капусту, только очень

мало; остальные же овощи садятъ для домашняго употребленія.

Почва песчаная и крупнаго лѣса близко нѣтъ; годный для употребленія верстъ за пять отъ берега. Дичи довольно, но жители мало занимаются ловлею птицъ; тетерки, рябчики, утки, лебеди, журавли водятся около Пейпуса. Садовъ, по недостатку земли, не разводятъ, а дико-произрастающихъ ягодъ довольно, клюквы, брусники, голубицы, рябины. Изъ двороваго скота держатъ коровъ и свиней, которыя есть въ каждомъ домѣ; лошадей не всѣ имѣютъ; земледѣліемъ никто не занимается; изъ дворовыхъ птицъ держатъ только гусей и куръ, и то немного. Сѣютъ въ небольшомъ количествѣ ленъ и конопля, а болѣе привозятъ изъ Пскова; пенька идетъ на сѣти и невода; въ каждомъ домѣ видишь самопрялку и вездѣ вяжутъ сѣти; дѣвочки лѣтъ восьми уже занимаются этой работой. Деревни хорошо выстроены и совершенно въ Русскомъ вкусѣ; окна украшены рѣзьбой; ставни выкрашены, по большой части красной краской; кровли покрыты тесомъ или черепицей, меньшая часть соломой.

Въ первый день нашего пріѣзда мы прогуливались по берегу озера и по окружнымъ деревнямъ. На другой было воскресенье и мы пошли въ Носову деревню, названіе свое получившую отъ мыса, на которомъ она выстроена и который жители называютъ Носъ. На мысѣ, омываемомъ волнами озера, выстроена каменная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, и каменный домъ для священника и церковнослужителей. Службы въ тотъ день не было: священникъ уѣхалъ по дѣламъ въ Псковъ; мы просили позволенія осмотрѣть церковь

и нашли вездѣ чистоту и порядокъ; только ризница очень бѣдна и мало церковной утвари. Не имѣя времени долго оставаться, я не захотѣла быть въ другихъ деревняхъ, которыя видны изъ Носовой, Красныя Горы и Родчина. Первая хорошо выстроена, сколько я могла судить издали; въ ней есть каменные домы, и говорятъ, всего болѣе ста дворовъ. Всѣхъ деревень двадцать восемь, а въ нихъ тысячь двадцать жителей. Возвратившись въ Кольки, послѣ обѣда мы пошли смотрѣть хороводы. Молодыя женщины и дѣвки, разрядившись, ходили съ пѣснями по улицѣ; мужики, собравшись группами, толковали о дѣлахъ; молодые парни, въ плисовыхъ кафтанахъ, поглядывали на красавицъ съ русыми косами, украшенными разноцвѣтными лентами.

Радушный хозяинъ нашъ старался все выказать съ лучшей стороны и говорилъ: «Еслибы вы пріѣхали къ намъ зимой, когда народъ весь соберется, тутъ-то у насъ гулянье, а лѣтомъ половина *жихарей* въ разбродѣ.» Почти всѣ изъ жителей Русскихъ деревень, кромѣ рыбнаго промысла, ремесленники, маляры, каменщики, штукатуры, плотники; лѣтомъ расходятся на работу, особливо изъ большихъ семействъ, а зимою собираются домой, ловятъ подводную рыбу или торгуютъ по деревнямъ. Пріятно смотрѣть на ихъ жизнь, чуждую всѣхъ прихотей, которыя намъ, жителямъ городовъ, сдѣлались необходимы. Нашъ хозяинъ бѣдный человѣкъ: все его имущество состоитъ въ небольшой избѣ и лодкѣ, но онъ доволенъ своею участью и благодаритъ Бога. «Да, что мнѣ еще надобно? Я ни въ чемъ не нуждаюсь. Вотъ хоть бы въ теперешнюю поѣздку, мы съ товарищемъ раздѣлили по сороку руб-

лей. Богъ дастъ, поѣду въ Псковъ, куплю пеньки, муравленой посуды; посуду отвезу въ Юрьевъ, * а пенька лишь бы была — чистый товаръ, барышекъ получишь!» Такъ говорилъ этотъ добрый человѣкъ, отецъ четверыхъ дѣтей.....

Всѣ звали насъ въ гости, стараясь подчивать всемъ, что только у нихъ есть. *Да, покушай родимый! Перехвати чего нибудь, золотой!* Въ первый день нашего пріѣзда вытопили баню и просили пойдти попариться, какъ водилось въ старину у Русскихъ. *Хоть бы вы недѣльку у насъ погостили!* говорили намъ многіе.

Я спрашивала у мальчиковъ: знаютъ ли они сказки?» Да знаемъ,» сказалъ одинъ изъ нихъ, «а вотъ кабы моя матушка, такъ она много знаетъ всякихъ сказокъ, о царяхъ, короляхъ, о Натальѣ Золотой Косѣ.»

Мы не могли оставаться долго въ Русскихъ деревняхъ и наняли пару лошадей; извощикъ нашъ былъ Чухонецъ. Отъ Носовой деревни до Дерпта считается сорокъ верстъ, но верстъ нѣтъ и это невѣрно, водою же болѣе пятидесяти. Въ семь часовъ поутру, простившись съ добрыми нашими хозяевами, мы отправились, и въ пять часовъ по полудни были уже въ Дерптѣ. Въ продолженіе нашего пути извощикъ нѣсколько разъ останавливался кормить лошадей. Чухонцы кормятъ часто, но стоятъ не долго, не болѣе получаса. Лошади у нихъ небольшія, но сильныя и бѣгутъ хорошо; телѣги не такъ удобны, какъ у Русскихъ; съ трудомъ можно сидѣть двоимъ въ рядъ. Мы много проѣзжали Чухон-

* Простой народъ иначе не называетъ Дерпта.

скихъ селеній. Избы въ нихъ черныя, съ маленькими окнами, едва пропускающими дневный свѣтъ. Чухонцы довольно держатъ скота. Поля у нихъ хорошо обработаны, хотя почти невѣроятно, какъ можетъ хорошо родиться хлѣбъ на такой каменистой почвѣ.

Съ удовольствіемъ совершила я это маленькое путешествіе. Почтеннымъ изслѣдователямъ стариннаго Русскаго быта можно было бы много узнать любопытнаго между Русскими жителями береговъ Пейпуса. Я замѣтила много старинныхъ словъ. Также достойна похвалы простота въ жизни, чуждая всякихъ нововведеній и роскоши. Всѣ здѣсь здоровы, сильны, проворны, смѣлы; веселая беззаботность видна на лицахъ.

Заключу мое описаніе разсказомъ нѣкоторыхъ чертъ образа жизни. Когда мы пріѣхали въ селеніе, при выгрузкѣ изъ лодки осталось нѣсколько мѣшковъ ржи и разныхъ вещей не выгруженными, потому что хозяева еще не пріѣзжали съ ярмарки; двое сутокъ прошло и все это оставалось въ лодкѣ. Я говорила своему хозяину, что могутъ украсть. «У насъ этого нѣтъ,» отвѣчалъ онъ — «наши не тронутъ. Чтожъ нейдутъ брать? Не самому же мнѣ развозить по домамъ: и за то спасибо, что привезъ.» Вотъ еще одна прекрасная черта: здѣсь есть обычай при ловлѣ рыбы послѣднюю тоню закидывать на сиротъ, и когда пріѣдутъ съ ловли, бѣдные собираются и дѣлятъ между собою свою часть. Я спрашивала у дѣтей: знаютъ-ли они молитвы? и они читали мнѣ: Отче нашъ, Богородице дѣво радуйся, и многія другія. Кто учитъ васъ? спрашивала я. «Отецъ, мать, дѣдушка,» отвѣчали они. Вотъ нѣко-

торыя слова, замѣченныя мною: лодку здѣсь называютъ *ладья*, мачту *штырь*, лешей *шаберъ*, мальчика *малецъ*, жителя *жихарь*, кушанье горячее *варка*.

—